

А. И. Куприн - Молох

Действие повести происходит на сталелитейном заводе в конце XIX — начале XX веков.

Заводской гудок протяжно ревел, возвещая начало рабочего дня. Мутный рассвет дождливого августовского дня придавал ему оттенок тоски и угрозы. Гудок застал инженера Андрея Ильича Боброва за чаем. В последнее время Андрей Ильич сильно страдал бессонницей. Причиной этому была давняя привычка к морфию, с которой Бобров недавно начал упорную борьбу.

Из окна Андрею Ильичу было видно небольшое квадратное озеро, окружённое лохматыми ветлами. Всё было серо и блекло. В семь часов, надев на себя клеенчатый плащ с капюшоном, Бобров вышел из дому. Как всегда, он чувствовал себя нехорошо по утрам, но хуже всего на него действовал тот душевный разлад, который он примечал в себе с недавнего времени. Бобров не мог смотреть на жизнь с практической точки зрения, как его товарищи-инженеры. С каждым днём в нём нарастало отвращение, почти ужас, к службе на заводе. Инженерное дело не удовлетворяло его, и, если бы не желание матери, он оставил бы институт ещё на третьем курсе. Бобров сравнивал себя с человеком, с которого живьём содрали кожу.

Наружность у Боброва была неяркая. Он был невысок ростом и довольно худ. Прежде всего бросался в глаза большой белый лоб. Густые, неровные брови сходились у переносья, придавая его тёмным глазам строгое выражение. Губы у Андрея Ильича были тонкие, но не злые, и немного несимметричные; усы и борода маленькие, жидкие, белесоватые. Прелесть его некрасивого лица заключалась в улыбке. Когда Бобров смеялся, его лицо делалось привлекательным.

Бобров взобрался на пригорок, и ему открылась панорама завода. Это был настоящий город, весь пропитанный запахом серы и железного угара, оглушаемый вечно несмолкающим грохотом. Тысячи людей суетились здесь, точно муравьи на муравейнике. Это была страшная и захватывающая картина. Глядя на тяжёлый труд рабочих, Бобров сам как будто бы испытывал часть их физических страданий, и ему становилось стыдно за своё благополучие.

Андрей Ильич стоял возле сварочной печи, когда к нему подошёл один из сослуживцев — Станислав Ксаверьевич Свежевский. Этот человек с всегда немного согнутой фигурой, вечно заискивающий перед кем-то и распускающий сплетни, очень не нравился Боброву. Свежевский сообщил, что к ним на завод приедет один из членов правления, миллионер Василий Терентьевич Квашнин для закладки новой доменной печи. Квашнин был огромным, толстым человеком с рыжими волосами, известным любителем вкусной еды и красивых женщин. По Санкт-Петербургу о нём ходили пикантные истории.

Вернувшись с завода и наскоро пообедав, Бобров приказал своему кучеру Митрофану оседлать Фарватера, и отправился с визитом к Зиненкам. Семья Зиненок, живущая в Шепетовской экономии, состояла из отца, матери

и пятерых дочерей. Отец заведовал складом на заводе и находился под башмаком у своей жены Анны Афанасьевны. Каждой из дочерей в семье было отведено своё амплуа. Старшая, Мака, девица с рыбьим профилем, пользовалась репутацией ангела. Бета считалась умницей, носила пенсне, и даже как-то хотела поступить на курсы. Третья дочь, Шурочка, избрала специальностью игру в дурачки со всеми холостыми инженерам по очереди. Нина считалась в семье общей любимицей, избалованным, но прелестным ребёнком. Она была совершенно не похожа на сестёр с их массивными фигурами и грубоватыми, вульгарными лицами. Неизвестно, откуда у Нины взялась эта нежная, хрупкая фигурка, почти аристократические руки, хорошенькое смугловатое личико, маленькие ушки и тонкие пышные волосы. Родители возлагали на неё большие надежды, и поэтому ей было позволено гораздо больше, чем её сёстрам. Младшей, Кассе, исполнилось только четырнадцать лет, но она далеко превзошла сестёр пышностью форм, и её фигура вызывала пристальные взоры заводской молодёжи.

Это разделение семейных прелестей было известно всем. С утра до вечера в доме Зиненок толклись инженеры и студенты-практиканты, но Боброва там недолюбливали. Мещанские вкусы мадам Зиненко оскорблялись поведением Андрея Ильича. Бобров чувствовал эту глухую вражду, но всё равно продолжал бывать у Зиненок. Причиной тому была Нина. Андрей Ильич не знал, любил ли он её. Когда он не видел Нину несколько дней, то начинал скучать по ней, но стоило ему побывать у Зиненок три вечера подряд, как его начинало томить их общество, их неизменные шаблонные разговоры. В душе Боброва чередовалась тоска по Нине с отвращением к скуке и манерности её семьи.

В этот вечер Боброву удалось остаться наедине с Ниной на балконе. Тёплый вечер, луна и присутствие Нины подействовали на него, он всё больше склонялся к мысли о женитьбе и был уверен, что Нина разделяет его чувства. В гостиной разговор шёл о Квашнине. Анна Афанастевна говорила, что завтра поведёт своих девочек на вокзал, где состоится торжественная встреча. Говорили, что у Квашнина триста тысяч годового дохода, и эта цифра точно наэлектризовала всё общество. Сердце Боброва похолодело и сжалось. Он тихонько отыскал шляпу и вышел на крыльцо. Его ухода так никто и не заметил.

У себя дома Бобров застал своего хорошего друга, доктора Гольдберга. Он искренне любил этого кроткого еврея за его разносторонний ум и страсть к спорам отвлеченного свойства. Такой спор начался и теперь. Бобров считал свой труд бесполезным, бесцельным. Гольдберг, возражая, говорил, что своим трудом инженер двигает вперёд прогресс.

— Не говорите мне о пользе! — закричал Бобров. — Каждый рабочий отдаёт предпринимателю три месяца своей жизни в год, неделю — в месяц или шесть часов в день. Двое суток работы всего завода пожирают целого человека! Медные господа, Молох и Дагон, покраснели бы от стыда и от обиды перед теми цифрами, что я сейчас привёл.

Эта своеобразная математика поразила не только Гольдберга, но и самого Боброва. Андрей Ильич распахнул окно, и Гольдберг увидел завод, над

которым стояло огромное красное колеблющееся зарево. Электрические огни примешивали к пурпурному свету раскалённого железа свой голубоватый мертвенный отблеск. Несмолкаемый лязг и грохот нёсся оттуда.

— Вот он — Молох, требующий тёплой человеческой крови! — кричал Бобров, простирая в окно свою тонкую руку. Охваченный жалостью и страхом, доктор Гольдберг уложил Боброва в постель, и долго сидел возле него, глядя его по голове и говоря ласковые, успокоительные слова.

На другой день состоялась торжественная встреча Василия Терентьевича Квашнина на станции Иванково. Уже к одиннадцати часам туда съехалось всё заводское правление во главе с директором, Сергеем Валерьяновичем Шелковниковым. Немногие знали, что Шелковников был директором только на бумаге. В действительности всеми делами ворочал бельгийский инженер Андреа, полуполяк, полушвед по национальности. Присутствовало здесь и семейство Зиненок. При виде их Андрей Ильич испытал одновременно два смутных чувства. С одной стороны, ему стало стыдно за бестактный приезд этого семейства; с другой стороны, он обрадовался, увидев Нину. В его больной, издёрганной душе вдруг зажглось нестерпимое желание нежной девической любви, жажда успокоительной женской ласки.

Бобров искал случая подойти к Нине, но она всё время была занята. Случай этот представился, когда все вышли на платформу. На несколько минут Андрей Ильич остался наедине с Ниной, но признаться ей в своих чувствах снова не смог. Его смущала двойственность в характере Нины, когда из нежной, утончённой девушки она вдруг превращалась в провинциальную барышню с шаблонным набором фраз. Нина говорила, что она продукт той среды, в которой выросла и сознаёт свою обыденность, но не может с ней бороться и сознаёт её тяжесть только во время общения с Бобровым, потому что никогда не встречала такого человека, как он. Ей казалось, что она говорит искренне. Под влиянием момента Нина чувствовала потребность говорить Боброву приятное.

Едва Андрей Ильич набрался мужества, чтобы произнести признание, как из-за поворота железной дороги выскочил курьерский поезд. Квашнин был одним из акционеров N-ской железной дороги и ездил в собственном вагоне. Из окна вагона Квашнин заметил Нину и сразу же заинтересовался ею. Выслушав короткий доклад, Квашнин вышел из вагона на застеклённую площадку. Он стоял за стеклянной стеной, похожий на японского идола грубой работы. Встречающие смотрели на Квашнина с подобострастием, почти с испугом. Заглянув в лицо Нины, Бобров с горечью заметил на нём ту же улыбку и тот же тревожный страх дикаря, взирающего на своего идола.

Закладка новой домны и молебн состоялись через четыре дня после приезда Квашнина. На молебне присутствовали почти три тысячи рабочих. Что-то стихийное, могучее и в то же время детское, трогательное почудилось Боброву в этой общей молитве серой огромной массы. Завтра рабочие примутся за свой тяжкий труд. Кому-то из них уже предначертано судьбой поплатиться на этом труде жизнью. И не об этом ли думают они теперь, отвешивая низкие поклоны. От этих мыслей по спине и затылку Андрея

Ильича пробегала холодная волна нервного возбуждения. После молебна акционеров провели по заводу, показывая по очереди все цеха. В конце все собрались в отделении паровых котлов. Это было «сердце завода». Шелковников повёл гостей на торжественный обед, а Бобров остался около паровых котлов. Стоя на краю глубокой каменной ямы, он смотрел на тяжёлую работу кочегаров. Боброву казалось, что они кормят ненасытное, прожорливое чудище. К нему подошёл доктор Гольдберг. Бобров рассказал ему, как легко можно уничтожить этого Молоха, достаточно только как следует раскалить котёл, а потом пустить в него холодную воду. Бобров шутил, но голос его был странно серьёзен, а глаза смотрели сурово и печально. На обед Андрей Ильич не пошёл — он терпеть не мог «инженерных обедов».

Злые языки начали звонить. Никто не сомневался в настоящей причине внезапного сближения Квашнина с семейством Зиненок. Квашнин ежедневно проводил у них вечера, а по утрам приглашал барышень к себе на завтрак. Относительно всех пятерых девиц, Квашнин вёл себя как холостой и весёлый дядюшка, исполняя все их капризы и осыпая дорогими подарками. Постоянным гостем в доме Зиненок сделался Свежевский. Его никто не звал, он явился сам и сразу сумел стать необходимым для всех членов семьи. Чутьё подсказывало ему, что обстоятельства складываются весьма удобно для его будущей карьеры. Квашнин же молча терпел Свежевского в своём присутствии. Всё это стало известно Боброву, но его волновало лишь то, что сплетня может задеть грязным хвостом и Нину. Ревность была чужда доверчивой натуре Андрея Ильича.

Все эти дни Бобров вспоминал разговор на вокзале. Его неудержимо тянуло к Зиненкам, но стесняло присутствие Квашнина, и Андрей Ильич с нетерпением ждал его отъезда. Однако, случай помог ему увидеться с Ниной до отъезда Квашнина. Это произошло в воскресенье через два дня после торжества во время прогулки верхом. Нина ехала на английской кобыле, подаренной Квашниным, сопровождал её Свежевский. Нина пригласила Боброва на шикарный пикник, который Квашнин устраивал для неё в среду в Бешеной балке. Бобров не хотел ехать, но Нина настояла на этом. Прощаясь с ней, Андрей Ильич чувствовал через перчатку тепло её руки, а тёмные глаза Нины смотрели влюблённо.

На пикник было приглашено до девяноста человек. Все они собрались на платформе железнодорожной станции. Первым сюрпризом Квашнина оказался экстренный поезд, обильно украшенный цветами. Он должен был отвезти участников пикника на 303-ю версту, откуда до Бешеной балки оставалось пройти не более пятисот шагов. Ещё с утра на вокзале начали собираться жёны, сёстры и матери рабочих. На расспросы станционного начальства они отвечали, что им нужно «рыжего и толстого начальника». Едва появился Василий Терентьевич, они кинулись к нему с просьбой утеплить их бараки и поставить печи для приготовления еды. Квашнин уверенно пообещал исполнить их просьбу как можно быстрее, а потом сказал вполголоса Шелковникову:

— Вы распорядитесь, чтобы завтра сложили около бараков воза два кирпича.

Это их надолго утешит. Пусть любят.

Поведение Нины смутило Андрея Ильича. Он с волнением ждал на станции её приезда и верил в своё близкое счастье, но Нина даже не взглянула на него. Когда же Андрей Ильич подошёл, чтобы помочь Нине выйти из коляски, она быстро и легко выскочила из экипажа с другой стороны. По лицу Анны Афанасьевны Бобров понял, что она не одобряет их отношений. Тем не менее, Бобров решил поехать на пикник и добиться от Нины ответа. Окружённая лесом площадка для пикника была усыпана мелким песком. На одном её конце стоял восьмигранный павильон, украшенный флагами и зеленью, на другом — крытая эстрада для музыкантов. В павильоне были накрыты столы. Две недели назад эта площадка представляла собой косогор, усеянный редкими кустами. Как только приглашённые показались на площадке, оркестр заиграл марш, а потом вальс. Начались танцы. Бобров не любил танцевать, но всё же решил пригласить Нину на кадрили, чтобы во время танца объяснить ей, но оказалось, что все танцы у Нины расписаны. Давно знакомая, тупая и равнодушная тоска овладела Бобровым. Размеренные звуки музыки отзывались головной болью. Но он ещё не потерял надежды.

Когда стало смеркаться, вокруг павильона зажгли длинные цепи из разноцветных китайских фонариков, а с обоих концов площадки вспыхнули ослепительным голубоватым светом два электрических прожектора. Бал всё длился. Бобров сумел остаться с Ниной наедине только около девяти часов вечера. Он решил во что бы то не стало заставить её объяснить. Сначала Нина пыталась избежать разговора, но потом призналась, что это воля её матери. Тут же явилась Анна Афанасьевна и увела дочь за руку, по дороге приказывая ей пригласить на танец Квашнина. Точно в далёком сером тумане видел Бобров, как Нина выполняла материнский приказ.

Гремя стульями, общество садилось за столы, но Бобров продолжал стоять там, где оставила его Нина. Слез не было, но что-то жгучее щипало глаза, и в горле стоял сухой и колючий клубок. Боброва нашёл доктор Гольдберг и увлёк его за стол. Соседом Боброва с другой стороны оказался Андреа. Он был пьян. Только полгода спустя стало известно, что этот трудолюбивый, талантливый человек, эрудированный и говорящий на всех европейских языках, каждый вечер напивался в одиночестве до потери сознания. Бобров тоже решил выпить коньяку, надеясь, что от этого ему станет легче. Но вино не оказывало на него никакого действия. Наоборот, ему становилось ещё тоскливее.

Между тем из-за стола поднялся Квашнин с бокалом шампанского в руке и произнёс напыщенную речь, после которой все кричали ему «Ура!». Потом началась какая-то оргия красноречия. Некоторые тосты были двусмысленны и игриво неприличны. Вдруг опять поднялся Квашнин и объявил о помолвке Нины и Свежевского. Андреа, услышавший рядом с собой мучительный стон, обернулся и увидел бледное лицо Боброва, искажённое внутренним страданием. Андреа уверенно поднялся и произнёс ироничный тост, в котором поздравил Свежевского с назначением на пост управляющего делами

правления общества. Это назначение было свадебным подарком для молодых от Квашнина. Андре пожелал жениху удачи на новом поприще в Петербурге. Речь его была прервана громким лошадиным топотом. Из чащи вынырнул человек с перекошенным от ужаса лицом. Это был десятник, он сообщил, что на заводе беспорядки. Началась паника и давка. Кто-то погасил электрические фонари, и это ещё больше усилило общее смятение. Бледный полусвет занимающегося дня придавал этой картине страшный, почти фантастический характер. Бобров никак не мог найти Митрофана. Вдруг над толпой загорелся яркий факел, люди стремительно расступились, и по образовавшейся дороге поехал на своей тройке серых лошадей Квашнин. На мгновение Боброву показалось, что это едет вовсе не Квашнин, а какое-то окровавленное, уродливое и грозное божество, похожее на идола восточных культов. Бобров задрожал от бессильного бешенства. Обернувшись, Андрей Ильич обнаружил, что стоит возле своей пролётки. Он сел в неё и велел Митрофану гнать на завод. На горизонте огромное зарево отражалось в ползущих по небу тучах. Бобров смотрел на него, и торжествующее злорадство шевелилось в нём. Дерзкий тост Андре открыл ему глаза на всё: и на холодную сдержанность Нины, и на негодование её мамыши, и на близость Свежевского к Василию Терентьевичу, и на сплетни об уходе за Ниной самого Квашнина. Выпитое вино не опьянило Андрея Ильича. Его мысль работала быстро, ярко и беспорядочно, как в горячке. Вскоре стал виден завод, окутанный молочно-розовым дымом. Сзади, точно исполинский костёр, горел лесной склад. Красное зарево пожара отражалось в бурой воде четырёхугольного пруда. Плотина этого пруда была покрыта огромной чёрной толпой, которая словно кипела. В Боброва полетели камни, один удар пришёлся немного выше виска. Потекла тёплая, липкая кровь. Вдруг лошади стали. Впереди Бобров увидел чёрную, неровную стену, которая оказалась тесной толпой рабочих. Пройдя несколько шагов вперёд, Бобров заблудился. Ослабев от всего произошедшего, он потерял сознание. Очнувшись от обморока, Бобров обнаружил, что находится возле завода. Он с трудом поднялся на ноги и пошёл по направлению к доменным печам. Бобров бродил между опустевших заводских зданий и говорил сам с собою вслух. Ему хотелось удержать, привести в порядок разбегающиеся мысли. Бобров чувствовал, что ему надо сделать что-то большое и важное, но что именно — он забыл и никак не мог вспомнить. В один из светлых промежутков сознания он увидел себя стоящим над кочегарной ямой. Ему с необычайной яркостью вспомнился недавний разговор с доктором на этом самом месте. Кочегаров на месте не было. Андрей Ильич прыгнул вниз, схватил лопату и принялся совать уголь в оба топочных отверстия, лукаво улыбаясь и издавая бессмысленные восклицания. Болезненная и мстительная мысль овладевала им всё больше. Наконец всё было готово, осталось только повернуть маленький вентиль, но непривычная работа утомила Боброва, и этого последнего движения он не сделал. Солнце уже поднялось над горизонтом, когда Андрей Ильич пришёл в заводскую больницу. Вид у Боброва был ужасный. Он стал умолять

Гольдберга вколоть ему морфия. Доктор взял его за руку и увёл в другую комнату, где попытался отговорить его от этого рокового шага. Это ему не удалось. Доктор вздохнул и вынул из аптечного шкафа футляр со шприцем. Вскоре Бобров уже лежал на диване в глубоком сне. Сладкая улыбка играла на его бледном лице. Доктор осторожно обмывал его голову.

Скачано с сайта [Краткое Содержание](http://kratkoe-soderjanie.ru).